

ПРОБЛЕМЫ ПРЕПОДАВАНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАУКИ

В. М. Цветаев

О ПЕРСПЕКТИВАХ ИЗУЧЕНИЯ И ПРЕПОДАВАНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ

Проблема изучения и преподавания экономической теории возникает в нашей перестраивающейся экономической науке постоянно, хотя, возможно, не так остро, как в начале 90-х годов XX в. И очевидно, что она затрагивает не только методические вопросы практики преподавания экономической теории (такие как структура основных и специализированных курсов, издание учебников и т. п.), но и проблемы методологии экономической науки. В частности, постоянно возникает вопрос: как следует относиться к неоклассике, которая считается мейнстримом, магистральным направлением экономической теории и до настоящего времени занимает доминирующие позиции в наших учебниках (по крайней мере, в базовых курсах)? И более широкий вопрос: возможно ли для возвышения статуса научной истины «отказаться от губительной для ее обоснования идеи мейнстрима в экономической теории, а фактически от диктата той научной ветви, которая занимает доминирующие позиции»¹?

Самый известный ответ на эти вопросы представлен в модели развития науки Т. Куна, которая предлагает рассматривать доминирующую в науке теорию как нормальную науку, как парадигму, которая задает стиль и параметры развития науки до следующей научной революции, меняющей данную парадигму². В этом случае сегодняшнее доминирование неоклассики предстает как естественный результат (этап) развития экономической теории, который нужно принимать как таковой, по крайней мере, до следующей научной революции. Другое дело, что наша наука с запозданием приобщилась к мировой экономической мысли, и это вызвало некоторые перекосы в изучении и преподавании экономической теории и раздражение против ее мейнстрима как идеологической доминанты. Не отрицая, что любая победившая на каком-то историческом этапе развития науки парадигма включает идеологическую составляющую, в нашей ситуации вряд ли можно говорить об идеологическом доминировании. Речь идет, прежде всего, о приобщении к мировой экономической мысли, к научному диалогу, который необходим

Валерий Михайлович ЦВЕТАЕВ — д-р экон. наук, профессор кафедры экономической теории. В 1968 г. окончил экономический факультет ЛГУ. В 1977 г. защитил кандидатскую, в 1989 — докторскую диссертации. Автор более 70 научных работ, в том числе трех монографий. Сфера интересов — проблемы труда и управления, методологические проблемы экономической теории.

© В. М. Цветаев, 2008

для развития науки, и отсутствие которого ведет к ее застою. Это приобщение потребовало от нас знания современной экономической теории и, прежде всего, знания языка ее мейнстрима, которым сегодня все еще является постоянно критикуемая неоклассическая парадигма.

Экономическая наука как диалог

Объяснить, почему критикуемая уже с 30-х годов XX в. неоклассическая парадигма все еще остается актуальной для изучения и преподавания экономической теории, возможно с помощью рассмотрения процесса развития экономической науки как диалога, спора, который возникает вокруг ее основных положений³. Развитие науки определяется не тем, что одна ее теория побеждает и приходит на смену другой, а следовательно, одни истины вытесняются другими. В живой, развивающейся науке нет победителей и побежденных, и она по определению не может быть монологом. Наука в подлинном смысле слова — это диалог, а происходит ли при этом дополнение, критика или даже отрицание господствующих установок, терминов и понятий, принципиального значения не имеет. Можно сказать, что критический диалог в науке выступает в роли знаменитого принципа фальсифицируемости, предложенного К. Поппером⁴, подтверждая потенциал и продуктивность критикуемой теории.

И тот большой объем критики, тот диалог, который на протяжении многих десятилетий возникал и возникает вокруг основных положений неоклассической теории, только подтверждает ее жизнеспособность, так как именно критика ее слабых мест позволила возникнуть целому ряду новых научных направлений, образовать «мир теорий», сосуществующих сегодня в экономической науке. Свойствами этого «мира теорий» оказываются не редуцируемое ни к какому единству методологическое разнообразие, междисциплинарность, неопределенность объекта (достаточно вспомнить круг проблем современной теории фирмы, макро- и микроэкономики, теории прав собственности, теории общественного выбора и многих других). И единственным, что позволяет сегодня представить общность этого *мира теорий*, представляется общее прошлое, каковым являются неоклассическая традиция и язык научного общения, который сформировался в процессе критического диалога как внутри, так и вокруг нее и который стал общим для экономической науки. Иными словами, критика неоклассики образовала тот дискурс, тот понятийный аппарат, который позволял и все еще позволяет экономической науке не только наращивать фактологическую базу и методы анализа, более точно устанавливать границы применения основных идей, но и развивать объяснительные и прогнозные возможности науки в целом. При этом неоклассический дискурс объединяет *мир теорий* не только, а зачастую не столько своими явными, сколько «неявными» смыслами. «Неявными» смыслами современной экономической науки можно назвать ушедшие на периферию научного исследования термины и понятия предельного анализа, теории субъективной полезности, теории равновесия Вальраса, Парето-оптимальности и др.⁵

До неоклассического периода экономическая наука во многом «мыслила» в рамках социально-философского дискурса, сформированного эпохой Просвещения. Его важнейшие признаки и универсальные смыслы эксплицитно или имплицитно, на позитивной или критической рефлексивной ноте образовывали несущие элементы экономической науки, объединяли ее в единое целое, а вместе с тем инкорпорировали в общегуманитарное знание. Важнейшими познавательными принципами были идеи прогресса (историзма), гуманизма, ориентация науки на истину, глубокая внутренняя взаимосвязь позитивного и нормативного аспектов анализа. Становление новой, неоклассической,

теории было обусловлено духом времени, укреплявшимся философским языком эпохи модерна, языком позитивизма, рационализма, эмпиризма, и на этом языке стали рассматриваться и решаться проблемы методологии экономической науки, и он стал языком научного общения, научного диалога.

В процессе становления неоклассическая теория подвергла фальсификации ключевые идеи классической теории, существенно изменив границы своего исследования и включив новые характеристики хозяйственной жизни общества. Это было обусловлено стремлением утвердить формальную рациональность рынка в ее противопоставлении ценностной рациональности (модели домашнего хозяйства), исследовать действия рыночных субъектов, прежде всего, в сфере собственно рыночного обмена, сосредоточив внимание на индивидуальных предпочтениях и процессе принятия решений. Фальсификации подвергся прежде всего принцип определения стоимости на основе издержек. Ценность, цена, стоимость товаров раскрывались как относительные величины, заставляющие рыночных субъектов (домашние хозяйства и фирмы) выравнивать свои расходы и получаемую пользу подобно тому, как в сообщающихся сосудах выравниваются уровни жидкости. Не случайно этим преобразованиям соответствовала попытка заменить понятие «политическая экономия» на понятие «каталлактика» — учение о хозяйстве, основанном на обмене⁶.

Естественно, что сначала новые взгляды на хозяйственные процессы выглядели как весьма умозрительные. Однако заключенный в маржинализме потенциал (принципы предельного анализа и интроспекции с ее последовательной ориентацией на здравый смысл исследователя и анализируемых им рыночных субъектов) позволил превратить политическую экономию из социально-философской в позитивную науку, в конечном счете обеспечив новой теории удивительно прочные позиции в науке и общественном сознании. В ходе освоения новых инструментов анализа нормативные оценки в экономической науке стали рассматриваться как получаемые извне, как экзогенные факторы, а в ее нормативных разделах были представлены результаты исследований экономических возможностей и последствий практического применения того или иного экономического решения. Это оказалось возможным благодаря реконструкции всех общественных наук, а также в силу установления тесных связей между экономической теорией и экономической политикой. Принципиальный характер перемен, произошедших в экономической науке, обнаружился и в изменении ее названия. И после издания в 1890 г. знаменитой работы А. Маршалла «Принципы экономики» («Principles of economics») она преимущественно стала называться не политической экономией, а economics — экономической теорией.

Критический диалог в науке и практика преподавания

Подобно тому как возникающая материя остывает, превращаясь в овеществленные структуры, любая теория, появляясь как совокупность «высокотемпературных» идей, со временем так же остывает. Это процесс ее критического «остужения», в ходе которого она становится базисом, основанием новых теорий. Пока температура высокая, процесс творения новых теорий идет, теория обладает научным статусом, она еще не в истории. Если температура низкая и теорию уже «можно трогать руками», она попадает в историю науки, задача которой — придавать ей актуальный смысл «своими методами».

В 1966 г. Ф. Махлуп, подводя итоги дискуссии вокруг маржиналистской теории фирмы в 1930–1960 гг., подчеркнул роль критического диалога для актуального существования научной теории: «Если следовать философии науки, которая не делит теории на

“ложные” или “истинные”, а различает “отброшенные” или “еще открытые для критики”, то единственная победа, на которую может претендовать маржинализм, это та, что он еще открыт для критики»⁷.

Две характерные особенности первоначального варианта неоклассической парадигмы предопределили последующие споры, дальнейший критический диалог в экономической науке. Это, во-первых, гипостазирование идеальной модели рыночного обмена, а во-вторых, перенос логики поведения отдельных рыночных агентов на всю хозяйственную систему. Уже в 30-е годы XX в. слабые места неоклассической теории подвергаются продуктивной критике, которая происходит как в рамках самой неоклассики путем снятия или уточнения ряда ее предпосылок, так и со стороны альтернативных направлений экономической теории⁸. И на протяжении всего XX в. новые направления экономической теории возникают в форме критики, в форме той или иной антитезы неоклассике, реализуя тем самым ее научный потенциал и воспроизводя в более широком контексте исходные смыслы применяемых в неоклассике терминов.

Конечно, можно сказать, что неоклассическая парадигма сегодня уже «остывает» и уходит в прошлое, перестает быть тем языком, на котором на протяжении XX в. велся диалог в экономической науке. И несомненно, что экономическая наука должна ориентироваться на то, что в ближайшие десятилетия в методологии науки произойдут серьезные изменения, соответствующие тем масштабным переменам, которые имеют место в самой экономике и в общественной жизни в целом. Но реалии сегодняшнего дня все еще требуют знания магистрального направления экономической теории, знания неоклассики как основы и языка современной экономической науки. Станет ли этот язык мертвым, превратится ли он в «латынь»? В перспективе, безусловно, да. Однако пока изучение неоклассики все еще помогает понять, как рождались и развивались различные направления экономической теории, как появился тот «мир теорий», который существует сегодня в современной экономической науке.

В основном, конечно, сказанное касается практики преподавания базовых основ экономической теории. Хорошо известно, что сегодня эта практика рождает много вопросов. Как, например, в современном университетском экономическом образовании можно сбалансированно представить результаты сложного критического диалога в экономической теории, не выделяя то или иное теоретическое направление как ведущее и давая возможность будущим экономистам-теоретикам со временем самим сформировать самостоятельную научную позицию? Тем более что не только современные неоклассические, но и, например, неинституциональные подходы оказываются в последние годы доминирующими в практике преподавания⁹.

Нельзя, конечно, отрицать, что в какой-то степени проблема сбалансированного представления знаний решается уже в пределах стандартных учебников по базовым курсам экономической теории. По крайней мере, это так в отношении некоторых тем. Можно сказать и о такой схеме сочетания разных (по времени создания) теоретических подходов в практике преподавания, как последовательно преподаваемые базовые, промежуточные и продвинутые (специализированные) курсы. Тем не менее проблему структуры преподавания сегодня трудно считать решенной, особенно в свете современной философии науки, в которой утверждается наличие кризиса методологии позитивизма и разрабатываются принципиально новые подходы.

И, наконец, говоря о перспективах преподавания, надо иметь в виду тот естественный разрыв во времени, который существует между актуальной наукой и практикой преподавания. Преподавание надо начинать с неоклассики, понимая при этом, что она

не включает в себе и собою часть современной экономической науки, но образует культурную основу и язык этой науки. Для подтверждения сказанного обратимся еще раз к высказыванию Ф. Махлупа: «Если главной целью нападения было заставить отказаться от маржинализма или свергнуть его, а главной целью обороны — повернуть вспять разрушительные силы и защитить господство маржинализма раз и навсегда, то будьте уверены, что война 1946 г. закончилась вничью. Взгляните на учебники, и вы увидите, что маржинализм продолжает преобладать в изучении микроэкономической теории... Но посмотрите на журналы и монографии, и вы обнаружите, что о работе над альтернативными подходами к теории фирмы регулярно сообщается с намеком, что некая лучшая теория может заменить собой в конце концов маржинализм»¹⁰.

Критический диалог в экономической теории: результаты и перспективы

Остановимся теперь на наиболее актуальных результатах критического диалога в экономической науке, уточнявшего и совершенствовавшего неоклассическую парадигму и вместе с тем способствовавшего развитию многих новых направлений экономического анализа, и, прежде всего, на самом очевидном результате: на том, что критика неоклассики привела к формированию двух направлений современного институционализма — неоинституциональной экономики и новой институциональной экономики. Подчеркнем, что оба направления сформировались либо на основе неоклассической теории (неоинституциональная экономика), либо под ее существенным влиянием (новая институциональная экономика)¹¹. Примечательно и то, что именно представители неоклассического направления (такие как Р. Коуз, О. Уильямсон и др.) оказались ведущими фигурами в становлении неоинституционализма. Их работы привели к расширению неоклассической парадигмы путем включения в экономический анализ все новых сфер исследования и, можно сказать, «возвращения» экзогенных факторов, от которых неоклассика освобождалась в период своего становления в качестве позитивной науки, построенной на формализованном математическом инструментарии.

Произошедшее затем превращение рожденного на основе неоклассики неоинституционализма в одно из ведущих направлений современной экономической теории и, в целом, нарастающее влияние обеих ветвей современного институционализма, а также бурное развитие альтернативных (или сопутствующих) неоклассике направлений ставит сегодня перед исследователями вопросы о перспективах развития экономической теории. В частности, вопрос о том, можно ли ожидать, что в ближайшие десятилетия произойдет «новая научная революция», которая «означается, скорее всего, сдвигом от “индивидуалистической” неоклассики к “коллективистским” концепциям институционализма и экономической глобалистики»?¹² И более широкий вопрос: находимся ли мы на рубеже смены неоклассической парадигмы, смены сегодняшнего магистрального направления экономической теории? И наконец, вопрос, поставленный в начале статьи: возможно ли для возвышения статуса научной истины отказаться от мейнстрима, от доминирования того или иного направления в экономической теории?

Естественно, что ответы на эти вопросы не могут быть даны без обращения к философии науки и, в частности, к современным подходам в методологии экономической науки. В этой связи хотелось бы, прежде всего, напомнить интересную статью Дэниела Хаусмана «Экономическая методология в двух словах» (с не менее интересными комментариями В. Автономова)¹³. В этой статье был представлен обзор четырех, по мнению Хаусмана, наиболее распространенных в методологических дискуссиях подходов, которые он называет дедуктивистским, позитивистским (или попперианским), предикционистским

и эклектическим¹⁴. Объясняя свое недовольство существующими философскими системами оценки экономических теорий, Хаусман делает вывод, что современная литература по экономической методологии в целом весьма эклектична и что самые интересные методологические работы обычно исследуют проблемы какой-либо конкретной отрасли знания. В силу этого наиболее плодотворным для развития экономической науки подходом он считает эклектический подход, в центр внимания которого «ставится та методология, которая пригодна для поставленной в каждом конкретном случае цели»¹⁵.

Методологическая позиция Д. Хаусмана интересна, прежде всего, потому, что среди экономистов, работающих «в этой более эклектичной и реалистичной традиции», он называет Д. Мак-Клоски с его концепцией «экономической риторики»¹⁶. Известно, что эта концепция, предлагающая рассматривать экономическую теорию как риторику, как искусство убеждать, вызвала дискуссии и критическое отношение в мире экономической науки¹⁷. Однако даже возникшая по этому поводу критика свидетельствует о том, что данная концепция появилась не случайно, а как реакция на происходящие в мире глобальные изменения и в том числе как реакция на кризис позитивизма в методологии экономической науки¹⁸.

Отметим, что в сущности эклектический подход Хаусмана принципиально отличается от написанной в русле современной постмодернистской трактовки науки концепции Д. Мак-Клоски¹⁹. Но методологические позиции обоих исследователей объединяет скептическое отношение к единой методологии и нормативным критериям в экономической науке, что вполне соответствует духу времени и происходящим в методологии экономической науки изменениям, без рассмотрения которых трудно говорить о перспективах изучения и преподавания экономической теории.

Хотелось бы вспомнить и еще одну работу, подтверждающую актуальность подходов Д. Хаусмана и Д. Мак-Клоски. В 2000 г. о проблеме методологического плюрализма в журнале «Вестник СПбГУ» писал Ш. Хорват в статье «Экономическая наука на рубеже модерна и постмодерна»²⁰. Он, в частности, назвал монографию Д. Мак-Клоски основным трудом по «плюралистической экономической науке» и вписал его концепцию «экономической риторики» в более широкий контекст. Так, он рассказал о создании в 1997 г. в Будапештском университете экономических наук Центра плюралистических экономических исследований, который был сформирован в результате идейного отклика на опубликованное в мае 1992 г. в «American Economic Review» и подписанное многими всемирно известными экономистами обращение в защиту плюралистического экономического мышления. Поддерживая позицию, что экономическая наука развивается в обстановке открытых дискуссий, что она должна быть «открытой наукой», Ш. Хорват отметил также, что сторонники этого воззрения большое значение придают «критическому, терпеливому и профессиональному диалогу между представителями различных подходов»²¹.

Итак, очевидно, что в свете современных подходов к методологии экономической науки, в частности с позиций методологического плюрализма, вопросы о смене парадигмы или об отказе от нее ставить уже бессмысленно. Признание методологического плюрализма снимает эти вопросы и означает отказ от любой парадигмы. (Заметим также, что и положительный ответ на вопрос, возможно ли отказаться от доминирования того или иного направления в экономической теории, который был поставлен в начале статьи, по сути оборачивается признанием плюрализма.) Однако тогда возникает другая проблема: как при отказе от единой методологии, от нормативных критериев оценки экономических теорий сочетать разные теоретические подходы и направления экономической

теории, что может быть основой, общим языком, на котором ведется научный диалог и, главное, на котором пишутся учебники?

Представляется, что с позиций методологического плюрализма эта проблема пока не решается. Точнее, призывы к «критическому, терпеливому и профессиональному диалогу между представителями различных подходов» трудно конкретизировать на практике. И тогда предложение отказаться от мейнстрима в экономической теории можно назвать декларацией, и не ясно, как ее осуществлять. А предлагаемое, например, концепцией «экономической риторики» решение в духе постмодернистского подхода к науке отказаться от ее претензий на постижение истины и ориентироваться на наиболее убедительную риторику настолько радикально, что встречает вполне понятную критику и обвинения в антисциентизме²².

И тогда мы возвращаемся ко все еще актуальному языку неоклассической теории, на котором ведется научный диалог и который все еще является основой преподавания базовых курсов экономической теории. В этом плане примечательно, что критики концепции «экономической риторики» говорят о том, что ее автор своим риторическим подходом усиливает позиции неоклассической теории. Представляет интерес и замечание Ш. Хорвата, что «большинство представителей отличных от основного направления школ и на Западе сидят одновременно на двух стульях: они публикуют и преподают, следуя идеям как одного из течений non-mainstream, так и основному направлению»²³.

Подведем итоги. Даже если с позиций рассмотренных подходов к методологии экономической теории не удастся сегодня дать ответы на поставленные в статье вопросы, кажется перспективной ориентация на соответствующий происходящим в мире изменениям методологический плюрализм, поддерживающий критический диалог в экономической науке. По всей видимости, экономическая наука все еще находится «на рубеже модерна и постмодерна», на пороге рождения новой методологии. А пока неоклассика остается необходимой основой для изучения и преподавания экономической теории, хотя в будущем все непременно должно измениться.

¹ Рассмотрение этих вопросов в большой степени спровоцировано методологической проблематикой статьи В. Т. Рязанова, в которой он, в частности, считал полезным для возвышения статуса научной истины «отказаться от губительной для ее обоснования идеи мейнстрима в экономической теории», в данном случае имея в виду нарастающий в нашей науке «монополизм неоклассики» (*Рязанов В. Т.* Проблема верификации в экономической теории // *Вестн. С.-Петерб. ун-та.* 2004. Сер. 5: Экономика. Вып. 4. С. 16).

² *Кун Т.* Структура научных революций. М., 1977.

³ В несколько ином аспекте эта проблема рассматривалась в нашей совместной с С. Ф. Сутыриным статье: *Сутырин С. Ф., Цветаев В. М.* Экономическая наука как диалог // *Вестн. С.-Петерб. ун-та.* 1998. Сер. 5: Экономика. Вып. 1.

⁴ К. Поппер предложил разграничить (демаркировать) теории на научные и ненаучные по принципу фальсифицируемости, утверждая, что научными являются те теории, которые могут быть, хотя бы в принципе, опровергнуты (*Поппер К.* Логика и рост научного знания: Избр. работы. М., 1983). Тем самым предполагалась возможность уменьшить власть над человеческими умами теорий универалистского характера, теорий, основанных на вере в изначально выдвинутую идею. Возможно, что сегодня этот принцип в какой-то мере устарел. Тем не менее он все еще представляется инструментальным хотя бы потому, что долгое время использовался или вызывал споры в методологии науки.

⁵ О роли «невяных», «молчащих», «периферийных» знаний в познавательном процессе см.: *Полани М.* Личностное знание. М., 1985. С. 104.

⁶ *Козловски П.* Этика капитализма. Эволюция и общество. СПб., 1996. С. 22.

⁷ *Махлун Ф.* Теории фирмы: маргиналистские, бихевиоральные и управленческие // *Теория фирмы* / Под ред. В. М. Гальперина. СПб., 1995. С. 77.

⁸ Направления, по которым критикуется неоклассическая теория, иногда объясняют по модели развития науки И. Лакатоша, который подразделял любую теорию на два компонента: «жесткое ядро» и «оболочка». Разрушение «жесткого ядра» означает формирование «новой исследовательской программы» (по Лакатошу)

или новой «парадигмы» (по Куну). А модификации «оболочки» рассматриваются как до некоторой степени естественный процесс расширения и дополнения критикуемой теории. Таким образом, например, Т. Эггертссон объясняет становление на базе критики неоклассики двух современных институциональных направлений – неонституционализма и нового институционализма. В первом случае происходит модификация защитной оболочки, во втором случае – отрицание ядра (*Эггертссон Т.* Экономическое поведение и институты. М., 2001. С. 19–24).

⁹ Об этом говорит, например, Н. В. Пахомова в статье, посвященной анализу многообразных теоретических подходов к экономическому феномену фирмы (*Пахомова Н. В.* Теория фирмы в контексте современного экономического образования // *Вестн. С.-Петерб. ун-та.* 2007. Сер. 5: Экономика. Вып. 1. С. 156).

¹⁰ *Махлун Ф.* Указ. соч. С. 76.

¹¹ *Нуреев Р.* Институционализм: прошлое, настоящее, будущее (вместо предисловия к учебнику «Институциональная экономика») // *Вопросы экономики.* 1999. № 1. С. 126.

¹² Предположение о таком характере «новой научной революции», которая «станет свершившимся фактом в ближайшие десятилетия», делают в своей статье Р. Нуреев и Ю. Латов (*Нуреев Р., Латов Ю.* «Плоды просвещения»: новая российская экономическая наука на пороге III тысячелетия // *Вопросы экономики.* 2001. № 1. С. 103).

¹³ *Хаусман Д.* Экономическая методология в двух словах // *МЭ и МО.* 1994. № 2, 3.

¹⁴ Там же. № 2. С. 106.

¹⁵ Там же. № 3. С. 107–109.

¹⁶ Там же. С. 108.

¹⁷ Подробный анализ «риторической концепции» в экономической теории см.: *Отмахов П. А.* Риторическая концепция метода в экономической теории. Предварительные итоги развития // *Истоки.* Вып. 4. М., 2000. С. 138–176. — В журнале «Вестник СПбГУ» эта концепция интересно представлена в статье Д. Е. Раскова (*Расков Д. Е.* Экономическая теория как риторика // *Вестн. С.-Петерб. ун-та.* 2005. Сер. 5: Экономика. Вып. 3. С. 13–30). Хотелось бы отметить также оригинальную трактовку этой концепции Я. В. Соколовым, который считает ее «современной разновидностью нормативно-номиналистического направления» в методологии науки и своего рода возрождением «школы Протагора (490–420 до н. э.)» (*Соколов Я. В.* Классификация методологических направлений в экономической науке // *Вестн. С.-Петерб. ун-та.* 2005. Сер. 5: Экономика. Вып. 3. С. 26–27).

¹⁸ Детальный анализ природы кризиса в экономической теории приводит В. М. Полтерович (*Полтерович В. М.* Кризис экономической теории // *Экономическая наука современной России.* 1998. № 1. С. 46–66).

¹⁹ Отличие эклектического подхода Д. Хаусмана от концепции экономической риторики Д. Мак-Клоски очевидно, когда Хаусман пишет, что все же «нельзя заниматься экономической наукой без каких-либо стандартов и норм, что бы ни было их источником: методологические правила, выработанные в результате подражания предшественникам, случайные методологические замечания экономистов или трактаты специалистов-методологов. Более того, если экономическая наука претендует на то, чтобы давать направление экономической политике, эти стандарты и нормы не могут быть произвольными» (*Хаусман Д.* Указ. соч. // *МЭ и МО.* 1994. № 3. С. 108–109).

²⁰ *Хорват Ш.* Экономическая наука на рубеже модерна и постмодерна // *Вестн. С.-Петерб. ун-та.* 2000. Сер. 5: Экономика. Вып. 1.

²¹ Там же. С. 44–46.

²² См., напр.: *Рязанов В. Т.* Указ. соч. С. 14.

²³ *Хорват Ш.* Указ. соч. С. 47.

Статья поступила в редакцию 29 ноября 2007 г.